

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 182–194.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 3. P. 182–194.

Научная статья

УДК 349.6.03(100:470)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-3/182-194>

Имплементация международно-правовых норм об ответственности за экоцид в российском уголовном праве

Евгения Анатольевна Углова

Дальневосточный юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации,

Владивосток, Российская Федерация

✉ vladivostok200@mail.ru

Аннотация. В статье на основании исследования международно-правовой доктрины раскрывается понятие «имплементация». Показано соотношение данного понятия с такими видами «проникновения» международных норм во внутригосударственную сферу, как трансформация, инкорпорация, рецепция и др. Особое внимание уделено экоциду как результату имплементации международного права в норму об ответственности за это преступление в российском уголовном праве. Установлено, что процесс имплементации норм международного права об экоциде осложняется многими проблемами, главными из которых представляются: а) большое количество, многообразие и интенсивная динамика соответствующих международных норм; б) выбор оптимальных способов имплементации; в) поддержание баланса между правом и политикой. Средствами разрешения указанных проблем в полной мере обладает государство как главный (первичный) субъект международного права и монополист в области разработки и реализации уголовной политики.

Ключевые слова: международно-правовые нормы, имплементация, экоцид, российское уголовное право, уголовная ответственность за экоцид

Для цитирования: Углова Е.А. Имплементация международно-правовых норм об ответственности за экоцид в российском уголовном праве // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 182–194.

Original article

Implementation of international legal norms on responsibility for ecocide in the Russian criminal law

Evgenia A. Uglova

Far Eastern Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,

Vladivostok, Russian Federation

✉ vladivostok200@mail.ru

Abstract. The article reveals the concept of "implementation" based on the study of international legal doctrine. The correlation of this concept with such types of "penetration" of international norms into the domestic sphere as transformation, incorporation, reception, etc. is shown. Special attention is paid to ecocide as a result of the implementation of international law in the norm of responsibility for this crime in the Russian criminal law. It has been established that the process of implementing the norms of international law on ecocide is complicated by many problems, the main of which are: a) a large number, diversity and intensive dynamics of relevant international norms; b) the choice of optimal ways of implementation; c) maintaining a balance between the law and policy. The State, as the main (primary) subject of international law and a monopolist in the development and implementation of criminal policy, fully possesses the means to resolve these problems.

Keywords: international legal norms, implementation, ecocide, the Russian criminal law, criminal liability for ecocide

For citation: Uglova E.A. Implementation of international legal norms on responsibility for ecocide in the Russian criminal law. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 3, pp. 182–194. (In Russ.).

В названии настоящей статьи закреплено понятие «имплементация», отражающее, по мнению современных ученых, одну из самых сложных проблем соотношения и взаимодействия международного и внутригосударственного права. Проявления этой сложности многочисленны и достаточно красноречивы. К ним можно отнести в первую очередь терминологическое многоголосие: для обозначения процесса осуществления международно-правовых норм в национальных правовых системах используются также понятия реализации, выполнения, исполнения, которые признаются синонимичными и взаимозаменяемыми по отношению к имплементации [1, с. 29–31]. Дискуссия относительно содержания понятия имплементации представлена в науке тремя различными подходами: широким (рассматривающим импле-

ментацию международного права как его воплощение в жизнь и оперирующим такими однопорядковыми с ним терминами, как «осуществление» и «реализация»), узким (использующим понятие имплементации для обозначения воздействия норм международного права на внутригосударственные отношения через внутригосударственное право) и специальным (отождествляющим имплементацию с обеспечением реализации международного права) [2, с. 30–31]. Помимо этого, отсутствует единство мнений по проблемам, касающимся способов имплементации и, как следствие, – ее соотношения с такими видами «проникновения» международных норм во внутригосударственную сферу, как трансформация, инкорпорация, рецепция и др. При этом наряду с классической точкой зрения, характеризующей имплементацию и трансформацию в качестве двух самостоятельных правовых «рычагов» приведения в действие норм международного права в рамках внутригосударственного правопорядка [2], высказываются и обосновываются другие взгляды. Так, М.Е. Жумабаева полагает, что «имплементация ... осуществляется путем трансформации международно-правовых норм в нормы внутригосударственного (национального) права» [3]. А.Б. Мельниченко также относит трансформацию к способам имплементации, утверждая, что последняя «возможна путем инкорпорации и трансформации» [4]. Б.А. Сафаров рассматривает трансформацию как «вид имплементации» [5]. Логика научных рассуждений авторов одной из монографий, посвященной правовому обеспечению интеграционных процессов, позволяет рассматривать имплементацию через призму интернационализации права и правовой интеграции [6] и т.п.

С учетом изложенного естественным и даже необходимым видится изложение нашей авторской позиции по двум вопросам: 1) почему из ряда синонимичных понятий выбрана именно имплементация; 2) какое конкретное содержание имеет данное понятие.

Ответ на первый вопрос, как представляется, вытекает из правовой доктрины, обосновывающей, с точки зрения целесообразности унификации используемых в международно-правовой науке категорий, предпочтительность термина «имплементация» [1]. Добавим к этому, что научным сообществом убедительно аргументируется насущная потребность унификации юридических терминов в целом, отмечается ее ключевое значение в условиях интеграции национальной правовой системы и международных правовых норм [7]. Иначе говоря, максимально возможное согласование терминологии выходит за пределы какой-либо одной отрасли права или смежных с ней явлений (законодательства, правоприменения, доктрины) и охватывает всю правовую сферу. Кроме того, нельзя не признать, что термин «имплементация» хорошо известен юристам, имеет мощные научные корни.

Ответ на второй вопрос диктуется вечным стремлением законодательства и права в целом к точности языка, ясности осознания смысла каждого термина [8, с. 6–17] и требует более глубокого анализа прежде всего потому, что понимание им-

плементации посредством применения широкого, узкого и специального подходов, упоминавшихся выше, не исчерпывает всего современного богатства взаимодействия международного и внутригосударственного права. Теоретической иллюстрацией этого являются поиск и введение в научный оборот новых терминов, характеризующих воздействие международного права на право государства: «вторжение» [9, с. 40–57], «национализация» [10, с. 245], «адаптация» [11, с. 219], «интеграция» [12, с. 55–69], «влияние» [13, с. 157–160] и др. При всех семантических различиях их объединяет стремление расширить сферу воздействия международного права на национальные правовые порядки. Основания для этого достаточно серьезны и многочисленны. Назовем и кратко охарактеризуем наиболее важные из них.

Во-первых, большинство правоведов, использующих термин «имплементация», не сводят его содержание только к нормотворческим аспектам и поддерживают мнение А.С. Гавердовского, рассматривающего имплементацию как «целенаправленную организационно-правовую деятельность государств, предпринимаемую индивидуально, коллективно или в рамках международных организаций в целях своевременной, всесторонней и полной реализации принятых ими в соответствии с международным правом обязательств» [14, с. 62]. Например, В.В. Гаврилов, отмечая, что данное определение является «наиболее полным и правильным», видит его достоинство в том, что оно фиксирует «подход к процессу реализации международного права как к органическому сочетанию правотворческой и организационной деятельности государств, осуществляемой ими внутри государства и на международной арене, в том числе при помощи и в рамках существующих или вновь создаваемых институциональных структур» [2, с. 53]. А.Я. Капустин выделяет научную позицию А.С. Гавердовского в качестве самостоятельного, специального подхода к содержанию понятия «имплементация» [1, с. 31]. Наличие в процессе имплементации двух этапов – правового и организационного – обосновывает А.Б. Мельниченко [4].

Во-вторых, в науке признается многообразие объектов имплементации, к которым относят не только международные договоры, но и общепризнанные принципы и нормы международного права [12, с. 59–60], судебный прецедент (или прецедент толкования) [11, с. 33–37], правовые позиции [15, с. 33–37], правовые стандарты [1, с. 39–41], рекомендательные нормы (мягкое право) [16], акты международных конференций и совещаний [17, с. 73], правовые акты международных организаций [17], определенные односторонние акты, порождающие международные обязательства [18, с. 36], и даже нератифицированные международные договоры [17]. В итоге имплементация рассматривается как одна из важных форм взаимодействия не только норм и принципов международного и внутригосударственного права и не только национальных законодательств, но и как «форма взаимовлияния правовых семей и правовых культур» [19, с. 12].

В-третьих, международно-правовая доктрина при описании современного уровня взаимодействия норм международного и внутригосударственного права довольно отчетливо демонстрирует стремление к замене термина «иерархия» термином «сеть» (network), поскольку «современное состояние развития права требует не просто высокого качества правовой нормы, но гармонии в содержании «высших» норм, относящихся к различным правопорядкам» [1, с. 192]. Так, М.А. Филатова подчеркивает, что при разрешении конфликта между внутренней и международной нормами путь его «иерархического» прочтения и, соответственно, обоснования приоритета той или иной нормы не является единственно возможным. Ему противостоит второй путь – системный. Он заключается «в попытке истолковать, а по сути, адаптировать свою компетенцию, сферу полномочий таким образом, чтобы иметь возможность применять одновременно обе конфликтующие нормы для обеспечения их максимальной гармонизации...» [1, с. 188–189]. Целесообразно заметить, что выход за пределы «иерархической» парадигмы и, соответственно, из бинарной логики («применить» / «исключить»), которую она навязывает, имеет определенную теоретическую базу. Так, Ж.И. Овсепян сформулировал и добротнo обосновал тезис о том, что все виды источников (форм) международного права «по своей глубинной природе, по их происхождению (первородству) являются согласительным, горизонтальным правом» [12, с. 55]. Система источников международного права «изначально лишена иерархичности, соподчиненности источников (форм) в традиционном понимании, которая является имманентным признаком системы источников внутригосударственного (национального) права» [12]. В.В. Гаврилов, характеризуя взгляды на возможное преимущественное значение той или иной системы права в процессе их взаимодействия, называет верховенство международного права над внутригосударственным «параюридическим» [2, с. 42].

В-четвертых, в результате исследования влияния международных актов ООН на развитие российского уголовного законодательства делается вывод, что такое влияние выражается «не только в количественном росте изменений во внутригосударственном отраслевом законодательстве, но и в приобретении им принципиально нового качества, характеризующего структуру уголовного законодательства и во многом определяющего его уровень и тенденции» [17, с. 94]. Попробуем уточнить это важное положение, распространив его на уголовное право в целом: следствием влияния международных норм на внутригосударственное право могут быть не только его очевидные формальные изменения (появление новых правовых норм, исключение «устаревших» и пр.). Меняться может дух права (идеи, принципы, символы, ценности – все духовно-нравственные проявления), обретая новое, более совершенное качество [20].

Представляется, что изложенное должно найти отражение в содержании понятия имплементации, которое не может рассматриваться изолированно от всех выше-

перечисленных аспектов влияния международного права на внутригосударственное. В этом смысле не только допустимо, но и целесообразно рассматривать понятия «влияние» и «имплементация» как синонимичные, отдавая предпочтение последнему в силу его наибольшей распространенности, традиционности и потому – привычности. В свою очередь, это означает, что имплементацию нельзя сводить к «принятию норм внутригосударственного права во исполнение международно-правовых норм, а также для создания условий по непосредственной реализации международно-правовых норм на территории государства» [21, с. 8], ее следует понимать максимально широко – как понятие, которое объединяет все возможные формы влияния международного права на право государства.

Приложение такого понимания к экоциду позволяет сделать уверенный вывод о том, что данное преступление является результатом имплементации норм международного права. Вместе с тем в отечественной юриспруденции единство мнений на этот счет отсутствует. Некоторые авторы считают, что глава 34 УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества» (а значит, и ст. 358 «Экоцид») содержит имплементационные нормы, то есть нормы, которые создавались в результате осуществления имплементации международного договора или соглашения [4]. Другие полагают, что в ст. 358 УК РФ частично имплементированы положения международного права. При этом отдельные ученые формулируют такую мысль несколько иначе. Так, О.И. Тиунов указывает, что в разделе XII УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества» многие положения, касающиеся ответственности за нарушение гуманитарных норм, отсутствуют [18].

Особого комментария требует точка зрения А.К. Князькиной. Как подчеркивалось выше, она не включает экоцид в число конвенционных преступлений. Следовательно, можно заключить, что при таком подходе вопрос об имплементации международных норм в ст. 358 УК РФ не может быть поставлен в принципе. Однако этим специфика рассматриваемого научного взгляда на преступление экоцида не исчерпывается. Изучив авторскую модель раздела Уголовного кодекса «Конвенциональные преступления», мы обнаружили, что в 17 главах, объединяющих 117 статей, экоцид отсутствует [22]. Иначе говоря, по мнению автора, он не относится и к более широкому по отношению к «конвенционным преступлениям» понятию – «конвенциональные преступления». За этим следует неизбежный вывод о том, что в ст. 358 УК РФ вообще не прослеживается связь с нормами международного права. Представляется, что такой вывод не согласуется ни с признаками экоцида, ни с внушительным корпусом международных норм, нацеленных на предотвращение вреда окружающей среде, ни с современным состоянием научной разработанности правовой характеристики экоцида, ни с позицией законодателя, включившего состав экоцида в обособленные раздел XII и главу 34 УК РФ о преступлениях против мира и безопасности человечества.

Что касается первых двух мнений (о полной или частичной имплементации норм международного права в ст. 358 УК РФ), то они могут быть приняты с некоторыми оговорками. Так, думается, что тезис о частичной имплементации отражает сложившуюся на сегодняшний день уголовно-правовую реальность, которая с очевидностью демонстрирует основанность ст. 358 УК РФ на нормах международного права. Об этом свидетельствуют сам факт установления уголовной ответственности за экоцид, его признаки и предусмотренное наказание, позволяющее отнести преступление экоцида к особо тяжким преступлениям, то есть к классификационной группе самых опасных преступных посягательств из числа предусмотренных в УК РФ. Оценка качества такой имплементации – научная проблема, требующая самостоятельного и глубокого изучения, на пути которого немало трудностей (большой массив международных норм различного уровня и статуса; отношение государства к данным нормам, возможные коллизии с внутригосударственным правом и пр.). Однако уже в первом приближении можно констатировать, что резерв для более внимательного учета нормативов международного уровня в УК РФ, безусловно, имеется. С учетом этого мнение о полной имплементации международных норм в ст. 358 УК РФ характеризует перспективу его развития, тот идеал взаимодействия международного и внутригосударственного правопорядков, необходимый для эффективной защиты окружающей среды от масштабных и часто непоправимых угроз, которые несет в себе экоцид.

Наше исследование международно-правовых норм об экоциде позволяет увидеть три основные проблемы процесса их аутентичного восприятия отечественным уголовным правом.

Первая проблема – это обилие международных норм и их заметная динамика, открывающая перспективы закрепления преступления экоцида (в том числе совершаемого в мирное время) на международном уровне. Данная особенность предполагает постоянный мониторинг идей и документов международного сообщества в целях их уяснения и отбора для последующей имплементации во внутригосударственный правопорядок.

Вторая проблема – определение конкретных способов имплементации, то есть адекватного «перевода» с международно-правового языка на внутригосударственный. При этом, как и в литературном переводе, желательно избегать словарных ошибок, максимально точно передавать смысл и т. п.

Третья проблема заключается в поддержании баланса между правом и политикой. Представляется, что она связана с наибольшими трудностями и потому нуждается в более развернутом комментарии. С одной стороны, профессиональное юридическое сообщество признает факт воздействия международных норм на внутригосударственное право «не столько с юридической, сколько с политической точки зрения», поскольку оно создает предпосылки для влияния на уголовную политику госу-

дарства [17, с. 71]. Сходный вывод вытекает из тезиса о том, что для современного состояния права необходимо не просто высокое качество правовых норм, но и «гармония в содержании» [1, с. 192]. При очевидном отсутствии формальных критериев такой гармонии, ее поиск и фиксация в нормах права может быть только результатом реализации политической воли. Думается, последняя лежит также в основе согласования позиций субъектов международного права при взаимодействии на международной арене, при решении совместных проблем и задач [18, с. 35]. Преимущественно политические, а не правовые факторы предопределяют добровольность и добросовестность соблюдения международных стандартов, восприятие государствами рекомендательных норм международного права, обычаев [16, с. 270, с. 275–285], нератифицированных международных договоров [12, с. 68]. С учетом согласительной природы всех видов источников международного права нельзя недооценивать роль политических обстоятельств и в отношении международных договоров. Помимо этого, термин «политика» используется для обозначения деятельности государства в области противодействия преступности. Целесообразно отметить, что уголовно-правовая наука предлагает и обосновывает альтернативные термины (уголовно-правовое воздействие, уголовно-правовое реагирование), однако понятие «уголовная политика» по-прежнему остается в центре профессионального дискурса.

С другой стороны, понятие и содержание уголовной политики является дискуссионным, а ее реализация вызывает у юридического научного сообщества довольно серьезные вопросы и замечания. При этом в процессе обсуждения высказываются также весьма спорные идеи. В частности, М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин обратили внимание на такой отличительный признак уголовной политики в концепции И.М. Клейменова, как «независимость от стандартов международных организаций и экспертов» [23, с. 141], а также включили в перечень характерных черт, свойственных политике российского сильного государства, «избирательное отношение к международным стандартам и правилам в части регулирования уголовно-правовых отношений» [23, с. 142].

Наша позиция заключается в критическом отношении к любым попыткам «отгородиться» от международно-правовых норм в основном потому, что такие попытки идут вразрез с очевидным процессом создания единой мировой системы глобальных социальных взаимодействий, препятствуют достижению равновесия между правом и политикой. Между тем представляется, что важной предпосылкой для решения рассматриваемой проблемы является не вызывающий сомнений факт, что многие (если не все) средства такого решения находятся в руках государства, поскольку оно, во-первых, выступает в качестве хотя и не единственного, но, безусловно, самого значимого (первичного) субъекта международного права, а во-вторых, является монополистом в формировании и осуществлении уголовной политики.

Основываясь на изложенном, кратко сформулируем ряд основных выводов:

1. Понятие имплементации выходит за рамки как нормотворческой, так и организационно-правовой деятельности государства; оно охватывает все возможные формы влияния международного права (во всем многообразии его источников) на внутригосударственное право.

2. Преступление экоцида является результатом имплементации норм международного права, о чем убедительно свидетельствуют его признаки в сопоставлении с международными нормами, нацеленными на предотвращение вреда окружающей среде, правовая характеристика признаков экоцида в науке уголовного права, а также место данного преступления в структуре УК РФ.

3. Процесс имплементации норм международного права об экоциде осложняется многими проблемами, главными из которых представляются большое количество, многообразие и интенсивная динамика соответствующих международных норм; выбор оптимальных способов имплементации; поддержание баланса между правом и политикой. Залогом их успешного решения является то обстоятельство, что средствами такого решения в полной мере обладает государство как главный (первичный) субъект международного права и монополист в области разработки и реализации уголовной политики.

Список источников

1. Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения: монография / Т.Я. Хабриева, А.Я. Капустин, А.И. Ковлер [и др.] / под общ. ред. В.В. Лазарева. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2019. 416 с.

2. Гаврилов В.В. Теории трансформации и имплементации норм международного права в отечественной правовой доктрине // Московский журнал международного права. 2001. № 2. С. 39–61.

3. Жумабаева М.Е. Способы реализации и механизмы имплементации норм международного права // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2012. № 4 (28). С. 135–139.

4. Мельниченко А.Б. Вопросы имплементации норм международного уголовного права в национальное законодательство // Философия права. 2008. № 3. С. 30–34.

5. Сафаров Б.А. Формы и способы воплощения норм международно-правовых актов по правам человека в национальную правовую систему // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 1. С. 231–236.

6. Правовое обеспечение интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза: монография / под общ. ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2017. 236 с.

7. Примак Т.К., Серова О.А. Гармонизация, унификация, стандартизация в доктрине, правообразовании и правоприменении // Юридический вестник Самарского университета. 2015. № 3. С. 71–78.
8. Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. 248 с.
9. Анисимов В.Ф., Трунцевский Ю.В. Вторжение международного права в национальную правовую систему // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 1. С. 40–57.
10. Кчачук О.В. Отсылка как технико-юридический прием согласования российского и международного права // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 245–247.
11. Авдеева М.В. Особенности техники имплементации международных уголовно-правовых норм в российское законодательство // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 4. С. 215–227.
12. Овсепян Ж.И. Статус источников международного права во внутригосударственной (национальной) правовой системе (вопросы интеграции международного права Российской Федерацией). Ч. II. Источники международного права как часть правовой системы России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2010. № 4. С. 55–69.
13. Кибальник А.Г., Шибков О.Н. Формы влияния международного уголовного права на российское уголовное право // Общество и право. 2011. № 4 (36). С. 157–160.
14. Гавердовский А.С. Имплементация норм международного права. Киев: Выща школа, 1980. 317 с.
15. Туманов В.А. Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М.: НОРМА, 2001. 295 с.
16. Тиунов О.И. Влияние международных договоров и международно-правовых обычаев на национальное законодательство // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2009. № 11. С. 269–286.
17. Родионова Т.А. Понятие и классификация влияния международного права на российское уголовное законодательство // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 29 (244). С. 69–74.
18. Тиунов О.И., Каширкина А.А., Морозов А.Н. Влияние норм международного права на развитие национального законодательства // Журнал российского права. 2010. № 6 (162). С. 35–44.
19. Пугина О.А. Имплементация элементов системы общего права в российское законодательство: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 28 с.
20. Бондарь Н.С. Буква и дух российской Конституции: 20-летний опыт гармонизации в свете конституционного правосудия // Журнал российского права. 2013. № 11. С. 5–17.

21. Вдовин В.А. Имплементация международно-правовых норм в уголовном праве Российской Федерации (вопросы Общей части): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 32 с.

22. Князькина А.К. Международный договор как основание криминализации деяний // *Lex Russica*. 2015. № 9 (т. CVI). С. 73–86.

23. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Уголовная политика и уголовное право сильного государства // *Актуальные проблемы российского права*. 2023. Т. 18, № 2 (147). С. 131–144.

References

1. Khabrieva T.Ya., Kapustin A.Ya., Kovler A.I. et al. Implementatsiya reshenii Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka v rossiiskoi pravovoi sisteme: kontseptsii, pravovye podkhody i praktika obespecheniya [Implementation of decisions of the European Court of Human Rights in the Russian legal system: concepts, legal approaches and practice of ensuring: monograph]. Moscow: IZiSP: Norma: INFRA-M Publ., 2019. 416 p. (In Russ.).

2. Gavrilov V.V. Teorii transformatsii i implementatsii norm mezhdunarodnogo prava v otechestvennoi pravovoi doktrine [Theories of transformation and implementation of international law norms in domestic legal doctrine]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2001, no. 2, pp. 39–61. (In Russ.).

3. Zhumabaeva M.E. Sposoby realizatsii i mekhanizmy implementatsii norm mezhdunarodnogo prava [Methods of implementation and mechanisms for the implementation of international law]. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravo-voi informatsii Respubliki Kazakhstan*, 2012, no. 4 (28), pp. 135–139. (In Russ.).

4. Melnichenko A.B. Voprosy implementatsii norm mezhdunarodnogo ugolovnogogo prava v natsional'noe zakonodatel'stvo [Issues of implementation of norms of international criminal law in national legislation]. *Filosofiya prava*, 2008, no. 3, pp. 30–34. (In Russ.).

5. Safarov B.A. Formy i sposoby voploshcheniya norm mezhdunarodno-pravovykh aktov po pravam cheloveka v natsional'nyu pravovuyu sistemu [Forms and methods of implementing norms of international legal acts on human rights in the national legal system]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, 2014, no. 1, pp. 231–236. (In Russ.).

6. Chuchaev A.I. Pravovoe obespechenie integratsionnykh protsessov v ramkakh Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza: monografiya [Legal support for integration processes within the Eurasian Economic Union: monograph]. Moscow: Prospect Publ., 2017. 236 p. (In Russ.).

7. Primak T.K., Serova O.A. Garmonizatsiya, unifikatsiya, standartizatsiya v doktrine, pravoobrazovanii i pravoprimenenii [Harmonization, unification, standardization in doctrine, law formation and law enforcement]. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta*, 2015, no. 3, pp. 71–78. (In Russ.).

8. Lyublinsky P.I. *Tekhnika, tolkovanie i kazuistika ugovnogo kodeksa* [Technique, interpretation and casuistry of the criminal code]. Moscow: Zertsalo Publ., 2004. 248 p. (In Russ.).

9. Anisimov V.F., Truntsevsky Yu.V. *Vtorzhenie mezhdunarodnogo prava v natsional'nyu pravovuyu sistemu* [Invasion of international law into the national legal system]. *Pravoprimenenie*, 2021, vol. 5, no. 1, pp. 40–57. (In Russ.).

10. Tkachuk O.V. *Otsylka kak tekhniko-yuridicheskii priem soglasovaniya rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Reference as a technical and legal technique for coordinating Russian and international law]. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2007, no. 1, pp. 245–247. (In Russ.).

11. Avdeeva M.V. *Osobennosti tekhniki implementatsii mezhdunarodnykh ugovno-pravovykh norm v rossiiskoe zakonodatel'stvo* [Features of the technique of implementing international criminal law norms into Russian legislation]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2012, no. 4, pp. 215–227. (In Russ.).

12. Ovsepyan Zh.I. *Status istochnikov mezhdunarodnogo prava vo vnutrigosudarstvennoi (natsional'noi) pravovoi sisteme (voprosy integratsii mezhdunarodnogo prava Rossiiskoi Federatsiei)*. Ch. II. *Istochniki mezhdunarodnogo prava kak chast' pravovoi sistemy Rossii* [Status of sources of international law in the domestic (national) legal system (issues of integration of international law by the Russian Federation). Part II. Sources of international law as part of the legal system of Russia]. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik*, 2010, no. 4, pp. 55–69. (In Russ.).

13. Kibalnik A.G., Shibkov O.N. *Formy vliyaniya mezhdunarodnogo ugovnogo prava na rossiiskoe ugovnoe pravo* [Forms of influence of international criminal law on Russian criminal law]. *Obshchestvo i pravo*, 2011, no. 4 (36), pp. 157–160. (In Russ.).

14. Gaverdovsky A.S. *Implementatsiya norm mezhdunarodnogo prava* [Implementation of international law norms]. Kiev: Vyshcha shkola, 1980. 317 p. (In Russ.).

15. Tumanov V.A. *Evropeiskii Sud po pravam cheloveka. Ocherk organizatsii i deyatelnosti*. [European Court of Human Rights. Essay on organization and activities]. Moscow: NORMA Publ., 2001. 295 p. (In Russ.).

16. Tiunov O.I. *Vliyanie mezhdunarodnykh dogovorov i mezhdunarodno-pravovykh obychaev na natsional'noe zakonodatel'stvo* [The impact of international treaties and international legal customs on national legislation]. *Vestnik RGGU. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo»*, 2009, no. 11, pp. 269–286. (In Russ.).

17. Rodionova T.A. *Ponyatie i klassifikatsiya vliyaniya mezhdunarodnogo prava na rossiiskoe ugovnoe zakonodatel'stvo* [Concept and classification of the impact of international law on Russian criminal legislation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 29 (244), pp. 69–74. (In Russ.).

18. Tiunov O.I., Kashirkina A.A., Morozov A.N. *Vliyanie norm mezhdunarodnogo prava na razvitie natsional'nogo zakonodatel'stva* [The impact of international law on the

development of national legislation]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2010, no. 6 (162), pp. 35–44. (In Russ.).

19. Pugina O.A. Vliyanie norm mezhdunarodnogo prava na razvitie natsional'nogo zakonodatel'stva [Implementation of elements of the common law system in Russian legislation]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Moscow, 2004. 28 p.

20. Bondar N.S. Bukva i dukh rossiiskoi Konstitutsii: 20-letnii opyt garmonizatsii v svete konstitutsionnogo pravosudiya [The letter and spirit of the russian constitution: 20 years of harmonization in the light of constitutional justice]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2013, no. 11, pp. 5–17. (In Russ.).

21. Vdovin V.A. Implementatsiya mezhdunarodno-pravovykh norm v ugovnom prave Rossiiskoi Federatsii (voprosy Obshchei chasti) [Implementation of international legal norms in the criminal law of the Russian Federation (issues of the General Part)]. Cand. Dis. (Legal. Sci.). Cynopsis. Kazan, 2006. 32 p. (In Russ.).

22. Knyazkina A. K. Mezhdunarodnyi dogovor kak osnovanie kriminalizatsii deyanii [International treaty as a basis for criminalization of acts]. *Lex Russica*, 2015, no. 9 (vol. CVI) pp. 73–86. (In Russ.).

23. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. Ugolovnaya politika i ugovnoe pravo sil'nogo gosudarstva [Criminal policy and criminal law of a strong state]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2023, vol. 18, no. 2 (147), pp. 131–144. (In Russ.).

Информация об авторах

Е.А. Углова – начальник отдела научной информации, издательской деятельности и библиографического обеспечения Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Владивосток, Российская Федерация, vladivostok200@mail.ru.

Information about the authors

E.A. Uglova, Head of the Department of Scientific Information, Publishing and Bibliographic Support of the Far Eastern Law Institute (Branch) University Prosecutor's Office of the Russian Federation, Vladivostok, Russian Federation, vladivostok200@mail.ru.

Статья поступила в редакцию / The article received 20.07.2024;

одобрена после рецензирования / revised 13.08.2024;

принята к публикации / accepted 03.09.2024.